Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

А.Г.В.

НЕЗАДОЛГО перед своей кончиной мне в Москву позвонил Кирилл Померанцев – древнейший подвижник поэзии, душеприказчик Георгия Иванова, рабочий хребет газеты "Русская мысль". С 60-х годов мы были дружны, встречались, когда я бывал в его Париже, но сюда он никогда мне не звонил, опасаясь телефонных проводов, – боялся повредить мне своей "белогвардейщиной".

И вот слышу глухой от волнения и возраста голос: "Андрей, я сейчас разбираю архив Георгия Адамовича. Я нашел там твои стихи, подаренные ему".

К стыду своему, я не помнил этих стихов. Голос из телефона прочитал:

Обдираючи аденоиды,
состраданием ночь омоючи,
в час всемирного одиночества
прокричу стихи Адамовичу.

И сразу в памяти всплыла типовая келья нью-йоркского отеля, где он остановился – где-то под небом черт знает на каком этаже, чай с ромом – хозяин был простужен, мерцала надменная лысина, и взгляд – сначала отчужденный, потом отогревшийся, потеплевший, взгляд чайного тона.

О чем проговорили мы эту ночь, чаевничая с ним – последним из основателей "Цеха поэтов", бессребреником Серебряного века, ментором эмигрантской музы, законодателем вкуса, имевшим характер и право отчитывать Цветаеву и Набокова, на равных споривший с Ходасевичем, а через него – с Пушкиным?

К тому времени он откланялся акмеизму, о Гумилеве говорил вежливо, но холодно. Помолодел, когда речь зашла о Поплавском. Просил читать стихи. Расспрашивал жадно о новом в литературе отечества – для него процесс культуры был един, не разделяем границами. "Вам пишется?" – с нервной хрипотцой спрашивал он. И не так проста оказалась его декларируемая "простота", толстовская безыскусственность, которой он был известен.

Ныне многие бездумно, как попки, затвердили формулу:

...Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.
Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.

После этой беседы по-иному мне открылась трагичность его мысли, оплаченной опытом жизни:

"Стоит только пожелать простоты – простота разъест душу, серной кислотой, капля за каплей. Простота есть понятие отрицательное, глубоко мефистофельское и по-мефистофельски неотразимое. Как не хотеть простоты и как не достичь ее, не уничтожившись в тот же момент! Все не просто. Простота есть ноль, небытие".

Это о себе написал он. Он был скуп на стихи. С годами еще скупее. В эмиграции выпустил книгу "На Западе". Потом перестал писать стихи. Простота сожрала его. "Но мы пощажены не будем..."

Полемика с Ходасевичем – что важнее в стихах: "мастерство, поэтическая дисциплина" или "безыскусная человечность" – была спором, который каждый поэт ведет с собой всю жизнь.

Почему он пригласил меня к себе? Чем дорога и необходима стала мне эта встреча? В отечестве нашем в те годы критика оборачивалась журналистикой – раздолбать или продвинуть, – тосковалось по текстовому анализу, по гамбургскому счету. Мне, в башке которого был сумбур из поставангарда, Раушенберга, Хайдеггера, позднего и раннего Пастернака, много дали эти тихие беседы с Георгием Викторовичем, как еще ранее с Глебом Струве, многолетние беседы со "странником" Иоанном Сан-Францисским. Получалось, что за океаном ты находил заповедную русскую культуру. Как и они, Адамович не был заглавной буквицей российской поэзии. Он был прописной ее буквой, из тех, которые слагаются в текст.

Порой более громкие судьбы заслоняют их от нас, но они – сердцевина текста культуры. Поэты-критики, эрудиты, камертоны вкуса, труженики культуры, их дар анализа не менее важен, чем стихотворный. Порой одно противоречит другому. Именно поэт, в противовес находящемуся внутри него критику, испытывал страсть к сочным, размашистым стихам и жизненному жесту Поплавского.

Как и пожизненный сердечный друг его, другой Георгий – Иванов, отойдя от гумилевского кристалла формы, Адамович писал уже не словом почти, а дыханием, осязанием:

КАЛЕНДАРЬ "ЛГ"

К 100-летию со дня рождения Георгия Адамовича

Там, где-нибудь, когда-нибудь,
У склона гор, на берегу реки,
Или за дребезжащею телегой...
Не знаю что, не понимаю как,
Но где-нибудь, когда-нибудь, наверно...

Так акварелист порой берет темную цветную от мытья кистей воду непонятного, смутного уже цвета, который нельзя ни разглядеть, ни повторить, и пишет ею тени – этим странным, уже не цветом, а темным перламутровым тоном. Это на жаргоне живописцев называется " писать грязью", то есть не чистым цветом, а тенью от всех цветов. Так поэт писал уже душою, преодолев плоть стиха.

Наши переделкинские деревянные дома ветшают. Тепло и кровообращение в них поддерживают скрытые от глаз архаичные газовые агрегаты, называемые АГВ. Их тайный пламень – не роскошь трещащих и стреляющих искрами поленьев, не языческие оргии огня, не авангардные спирали электричества. Их бесшумная синева скрыта в котельной. Поклонимся этим невидимым хранителям нашей температуры, дистанционным хранителям очага.

Поклонимся столетнему Адамовичу Георгию Викторовичу – АГВ акмеизма и русской культуры.

Напомнить, чтобы забыть

КОГДА в благословенных 60-х начинала выходить Краткая литературная энциклопедия, Георгий Адамович был жив, и, значит, сам виноват, что рядом с Алесем Адамовичем места для него не нашлось. В головах все еще продолжала бушевать гражданская война – и хорошим эмигрантом был мертвый эмигрант.

Владислав Ходасевич, например, умер загодя – и теперь по праву удостоился энциклопедической заметки, хотя, разумеется, из-за вечного обострения идеологической борьбы не ускользнул от ритуальной выволочки. Дескать, "выступал как критик и мемуарист, в т.ч. со статьями антисов. характера". Признаться, я не сразу смог оценить всю грациозность этой неуклюжей формулировки...

Несколько лет спустя И.С.Зильберштейн попытался напомнить о Ходасевиче на страницах "Литгазеты". Он предложил нам полосу неизвестных горьковских документов, и среди них – два письма Горького Ходасевичу. Они-то и должны были хоть малость отмыть неблагонадежного адресата. Но в последний момент цензура расстроила этот хитроумный план: из-за Ходасевича с треском полетели сами горьковские письма. На полосе образовалась дыра. Я позвонил Илье Самойловичу – он вскрикнул, задыхаясь, стал судорожно искать замену, наконец что-то отобрал и попросил прислать курьера. Через час наш посланец ткнулся в приоткрытую дверь квартиры на Лесной: хозяин лежал на полу без сознания.

Вырывая Ходасевича с корнем, цензор обошелся без обычных ужимок, без туманных намеков на "антисов. характер" каких-то выступлений. Изысканному энциклопедическому слогу он предпочел непререкаемый общедоступный гвалт: "Да это же литературный власовец!" Так у Солженицына с Пастернаком объявился однополчанин, который слыхом не слыхивал о генерале Власове, потому что умер за три года до того, как тот оказался в немецком плену.

Заметка о Ходасевиче вышла в 1975 году в последнем, восьмом томе КЛЭ. Но издание на этом не закончилось. Чтобы восполнить его пробелы, началась подготовка дополнительного, девятого тома. И мне предложили написать страничку о Георгии Адамовиче, благо, к тому времени его уже не было в живых. И я завертелся в поисках малодоступных текстов, разбросанных сведений, упоминаний, ссылок, то и дело попадая в щекотливое положение врача в гареме, который лечит больных, общаясь с посредниками. Не удавалось, скажем, установить дату и место смерти Адамовича – через знакомых обращаюсь к В.Б.Сосинскому, вернувшемуся после войны из эмиграции. Он пишет в Париж Юрию Терапиано. Терапиано отвечает Сосинскому. Сосинский передает его ответ мне.

Несколько месяцев ушло на эту страничку с небольшим, которую я позволю себе воспроизвести.

АДАМОВИЧ, Георгий Викторович /7(19). IV. 1894*, Москва, – 21.II.1972, Ницца/ – рус. поэт и лит. критик. Родился в семье военного. Окончил историко-филологич. ф-т Петрогр. ун-та (1917). Начал печататься в 1915. Придерживался акмеистич. ориентации. Первый сб. стихов А. "Облака", отмеченный влиянием И.Ф.Анненского и А.А.Ахматовой, вышел в изд-ве "Гиперборей" (1916). В 20-е гг. А. примкнул к "Цеху поэтов", широко представлен в одноименных альманахах. Камерная лирика А. – лирика просветленного страдания – сосредоточена на мотивах одиночества, тоски и обреченности. В 1923 эмигрировал. Поселился в Париже. В рус. зарубежной поэзии А. – антипод В.Ф.Ходасевича. В противовес нарочитой сдержанности и поэтической дисциплине он выдвигал на первый план искренность высказывания, романтизированный порыв, родственный М.Ю.Лермонтову и А.А.Блоку. Вместе с простотой изложения и всепоглощающим лиризмом эти качества соединились в т.н. "парижской ноте" А., подхваченной рядом поэтов. Выступая время от времени со стихами и постоянно – со статьями, эссе, рецензиями, А. приобрел в рус. эмиграции репутацию ведущего лит. критика. Сотрудничал в большинстве эмигрантских периодич. изданий, в т.ч. в "Звене" (с 1923), "Современных записках" (с 1927), "Новом корабле" (1927 – 1928), "Числах" (1930 – 1934). В 1930 редактировал журнал "Встречи" (совместно с М.Л.Кантором). В 20 – 30-е гг. вел литературный отдел в газете "Последние новости". В начале второй мировой войны А. записался добровольцем во французскую армию. В послевоенное время несколько лет сотрудничал в газете сов. направления "Русские новости". Откликаясь на все, что происходило в рус. эмигрантской и сов. литературе, А. бывал крайне субъективен и непостоянен в оценках. Статьи разных лет о Д.С.Мережковском, И.С.Шмелеве, И.А.Бунине, А.М.Ремизове, Б.К.Зайцеве, В.В.Набокове, А.И.Куприне и др. составили книгу "Одиночество и свобода" (Нью-Йорк, 1955). В сб. "Комментарии" (Вашингтон, 1967) вошли эссе гл. обр. о текущих лит. явлениях, публиковавшиеся, начиная с 1923, в различных изданиях под общим заголовком, давшим название книге.

Соч.: Чистилище. Стихи. Кн. вторая, П., 1922; На Западе, Париж, 1939; Единство. Стихи разных лет, Нью-Йорк, 1967.

Просматривая сегодня эту заметку, я вижу, как пытался уйти от политических упреков, напирая на субъективизм и непостоянство в художественных оценках (Георгий Викторович действительно бывал несправедлив, например, в отношении к Цветаевой), как ухватился за возможность отметить сотрудничество Адамовича в "газете сов. направления". С тоской вспоминая о гареме, приходилось держать в уме врачебную заповедь: "Не навреди". Ее, во всяком случае, мне казалось, я не нарушил.

В 78-м году вышел долгожданный девятый том. Предвкушая минуту тихого торжества, я раскрыл его на слове "Адамович" и... обомлел. Текст оказался не просто сокращен – смят. Я никогда не писал о книге "Одиночество и свобода" того, что прочитал теперь под своим именем. Но главное – "газета сов. направления" исчезла бесследно. Зато на ее месте, как шиш, торчала знакомая по Ходасевичу фраза: "Выступал с антисоветскими статьями". В переводе на общедоступный: "Да это же литературный власовец!"

Оставалось выть волком, биться головой о стену...

Адамович был вытащен на энциклопедическую плаху, чтобы знали, кого следует забыть навсегда.

В.РАДЗИШЕВСКИЙ

* По другим сведениям – 1892.